

Узнав, что Вэй Ци вышел на связь, Чжао Цзиньюй мгновенно ощутил дурное предчувствие. Он крепко сжал висевший на поясе нефритовый кулон.

— Он сказал, что с господином? — голос императора звучал глухо, но в нем отчетливо дрожали нотки тревоги.

Первым делом он спросил не о том, где сейчас находится его возлюбленный, а о том, как тот провел это время. Е Фэн, вспомнив всё, что передал ему Вэй Ци, замялся, не зная, с чего начать. Видя это, Чжао Цзиньюй почувствовал, как страх ледяной волной захлестнул сердце, и резко приказал:

— Говори.

Громовой голос императора заставил Е Фэна вздрогнуть и опуститься на колени. Опустив голову и сжав ладони, он произвел:

— Вэй Ци сказал, что тот удар мечом, который нанес господин, явно не был его собственным желанием. Он случайно услышал разговор Чэнь-вана и Ли-вана и понял: господина отравили гу, и он действовал против воли, подчиняясь чужой власти.

Им следовало догадаться об этом раньше. В те годы, как бы ни донимал его Третий принц, господин каждый раз холодно отказывал, избегал встреч и даже жаловался покойному императору. Он всегда был чист и благороден, никогда не поддавался на посулы денег или власти. С чего бы ему вдруг, в одночасье, изменить свое отношение к Третьему принцу и пожелать сблизиться с ним?

Оказалось, что Третий принц подсадил ему любовный гу, именуемый Нити Запутанности. Но тогда никто из них даже не заподозрил, что с господином творится что-то неладное или что он лишен свободы выбора.

— Нити Запутанности подавляют волю и подчиняют разум. Чэнь-ван давно заметил неладное, но из эгоистичных побуждений... Вернувшись в столицу, он воспользовался амнезией господина и намеренно подстроил так, чтобы тот узнал о заточении Ли-вана. Господин захотел спасти его и докопаться до истины, но... из-за того, что дочерняя гу в теле господина почувствовала присутствие материнской, он попал под её влияние. Именно поэтому он и ударил Ваше Величество. Желание убить вас исходило не от него самого.

— Я знаю, — глухо ответил император.

Е Фэн думал, что теперь, когда правда раскрылась, государь должен почувствовать облегчение, но в его голосе слышались лишь горечь, раскаяние и острая боль. Император вновь с тревогой спросил:

— Как он сейчас?

Е Фэн поднял взгляд. Государь сидел за письменным столом, сжимая в руках нефритовый кулон. Стол был завален пожелтевшими, местами истлевшими книгами — в последнее время император только и делал, что изучал древние трактаты о ядах Мяоцзяна. Только сейчас Е Фэн понял: возможно, император давно догадывался о правде и искал записи об этом гу.

— Господин Чу в порядке... Если не считать душевного смятения, вызванного ядом, он лишь чувствует, что должен защищать Ли-вана, носителя материнской гу. Сейчас они проезжают через один из древних городков у воды.

Видя, как сильно нервничает император, Е Фэн не решился озвучить подозрения Вэй Ци — тот опасался, что господин Чу слишком сильно пострадал от воздействия яда. Сам Е Фэн полагал, что это не беда: как только яд будет извлечен, все наладится.

— Вот и хорошо, — Чжао Цзинъюй, услышав это, немного успокоился. Он разжал пальцы, на ладони остались глубокие красные следы. Его смертельно бледное лицо начало обретать краски, и он прошептал: — Лишь бы с Чанси всё было хорошо. Лишь бы всё было хорошо...

Слово «обратное воздействие», встреченное в древних книгах, висело над головой Чжао Цзинъюя, словно дамоклов меч. Теперь, когда он узнал, что с Чанси всё в порядке, он наконец смог вздохнуть свободно.

Чжао Цзинъюй поднялся и направился к Е Фэну. Его черное одеяние с вышитыми золотыми драконами колыбалось при ходьбе, а пальцы мягко перебирали кисточку нефритового кулона. Хотя его лицо все еще оставалось бледным из-за тяжелого ранения, во всем облике читались негибкая воля и мощная, властная энергия. В его темных глазах больше не было прежней подавленности и мрака — теперь они светились ярко, словно звездное небо в безлунную ночь.

— Собирайся. Мы отправляемся за императрицей.

— А что касается Чэнь-вана и Ли-вана... — Чжао Цзинъюй прошел мимо Е Фэна, направляясь к выходу. Улыбка в уголках его губ исчезла, а голос стал настолько ледяным, что пробирал до костей. — Я лично потребую у них ответа за всё.

Посмели отравить Чанси! Чжао Цзинъюй сжал кулаки. В этой жизни он ценил Чу Чанси превыше всего, не вынося мысли, что тот может испытать хоть малейшую боль. Даже когда он своими глазами видел, как Чанси уходит от него, он лишь винил во всем себя. Даже когда он умирал от его руки, единственным желанием было стереть кровь с лица любимого.

Он слишком сильно любил Чу Чанси. И был слишком не уверен в себе. Именно поэтому он позволил ослепить себя и не подумал, что Чанси мог быть отравлен. Теперь всё прояснилось: пять лет назад Чанси не бросал его, и пять лет спустя он не хотел его убивать.

— Чанси, я был неправ... Жди меня.

Городок приютился у реки. Мимо постоянно сновали торговые суда, и среди путников в бамбуковых шляпах с вуалью никто из местных не заподозрил чужаков.

— Хозяин, шкала симпатии к Белому лунному свету полностью заполнена, — отозвалась Система, видя, что Хозяин собирается под покровом ночи скрыться, воспользовавшись речным путем. — Шкала пути главного героя тоже полна, но свечение нестабильно.

Чу Чанси пролистал панель Системы. Действительно, обе шкалы были заполнены, но та, что отвечала за возвращение главного героя на путь сюжета, мерцала, то вспыхивая, то затухая.

— Главный герой прибыл?

— Да, но он затаился в тени, словно чего-то опасается, — ответила Система и добавила: — Хозяин, люди главного героя выяснили, что яд в твоём теле вызывает обратное воздействие, но не знают, какое именно.

Скрыв лицо за длинной вуалью, Чу Чанси шел вдоль реки, где у домов висели фонари, отражаясь в воде и придавая его фигуре почти неземной облик.

— Вероятно, это вредит здоровью. Когда я очнулся, мои боевые навыки были ослаблены, я сразу это понял.

— Ох... — Система была поражена. Она осознала, что Хозяин давно всё просчитал. Он использовал опасения этих людей по поводу обратного воздействия, чтобы выдать обычное недомогание за повреждение души. Теперь эти люди дрожат от страха, не зная покоя.

Хозяин действительно выполнил свое обещание помочь главному герою: Вэй Ци, заметив странности в поведении господина, тайно докопался до истины и сам обо всем доложил стороне императора. Какой же его Хозяин находчивый!

Система видела, что они уже выбрали лодку, заплатили торговцу достаточно серебра и собирались отчаливать. Она спросила:

— Хозяин, почему главный герой до сих пор не действует? Если вы уйдете водным путем, Вэй Ци будет сложнее оставить для них подсказки.

Чу Чанси остановился. Вуаль размывала очертания, но не мешала видеть. Он повернулся и замер, глядя на течение реки.

— Чанси, что случилось? — Чжао Цзинье, все это время державший его за руку, тут же заметил перемену. Его терзала тревога: радость от встречи с Чу Чанси за последние дни сменилась глубоким раскаянием, стоило ему увидеть остекленевший, пустой взгляд любимого.

Идущий впереди Чжао Цзючэнь тоже обернулся и подошел ближе, но, соблюдая дистанцию, не решился заговорить, лишь вопросительно взглянул на Чжао Цзинье. В последнее время, вероятно, из-за влияния гу, в глазах Чу Чанси часто была пустота. Он никого не признавал, кроме Чжао Цзинье — носителя материнской гу, — и ко всем остальным проявлял лишь враждебность.

Чу Чанси опустил голову, глядя на воду. Чжао Цзинье проследил за его взглядом и увидел плывущие по реке фонарики, похожие на маленькие красные звезды. Он радостно улыбнулся:

— Чанси, хочешь запустить фонарик?

Чтобы не привлекать внимания, они были одеты в простую одежду из грубой ткани, а лица прятали под шляпами. Но даже так Чу Чанси не мог скрыть своего изящества. Он слегка кивнул Чжао Цзинье. Тот просиял, словно снова превратился в юношу, который когда-то вместе с молодым господином любовался светлячками в горах.

— Я куплю несколько фонариков, мы запустим их, а потом отправимся в путь, — сказал он Чжао Цзючэню.

— Возвращайтесь скорее, — кивнул тот, глядя на Чу Чанси, который стоял на берегу, словно сошедшее с небес божество.

Чжао Цзинье повел Чу Чанси обратно в толпу. Вэй Ци следовал поодаль — господин в последнее время перестал узнавать даже его. Чжао Цзючэнь, оставшись один, тяжело вздохнул и приказал своим людям следовать за ними для охраны, а сам остался стоять на берегу, сложив руки за спиной. Он и представить не мог, что всё обернется так.

Чу Чанси стал другим. А гу уже созрел, и его нельзя было извлечь: даже если убить Чжао Цзинье, чтобы уничтожить материнскую гу, брат Чанси погибнет от мучений, вызванных дочерней. Это был тупик. В этой игре никто не победил — они вместе разрушили жизнь того, кого любили больше всего на свете.

Чжао Цзючэнь погрузился в пучину раскаяния, как вдруг место, где он стоял, окружили десятки стражников. Казалось, они ждали именно этого момента. Имперская гвардия была безупречна: внутренний круг с мечами, внешний — с арбалетчиками, а по периметру — конница. Огромная сеть, из которой невозможно было выбраться.

Чжао Цзючэнь предвидел, что этот миг настанет. С того момента, как Чу Чанси ударил императора, все его планы рухнули. То, что он не понимал раньше, теперь стало очевидным. Поэтому он лишь на мгновение замолчал, а затем спокойно спросил:

— Это пришел мой брат-император?

Круг разомкнулся, и вперед на вороном коне выехал всадник. Он смотрел на Чэнь-вана сверху вниз:

— Чэнь-ван.

На пришедшем был простой зеленый халат, но его некогда ясные черты лица теперь казались жесткими и холодными. Тяжелая аура человека, прошедшего через реки крови, заставляла трепетать. Он соскочил с лошади, и его меч, блеснувший холодным светом, указал прямо на Чжао Цзючэня.

Тот не сопротивлялся. Его шляпу сбили, а сам он оказался прижат к земле — нога императора давила ему на грудь, а острие меча уперлось в горло.

— Знаешь, почему я пощадил тебя тогда? — Чжао Цзиньюй, который когда-то заточил Чжао Цзинье в темницу, не желая его смерти, теперь горько раскаивался. — Только потому, что Чанси защищал тебя.

Как только дело касалось Чу Чанси, его брат-император всегда терял рассудок. Чжао Цзючэнь смотрел на человека сверху: в те годы, тайно следуя за Чу Чанси, он часто видел рядом с ним наследного принца. Тот юный господин был настолько ослепителен, что кто мог быть уверен, что его взгляд задержится на ком-то одном? И тогда великий наследный принц, смиренно пытаясь привлечь внимание своего компаньона, никогда не был уверен в успехе. Вот почему он так легко поверил, что Чу Чанси влюбился в Третьего принца и предал его.

Так что во всем этом некого было винить, кроме себя. Чжао Цзючэнь медленно улыбнулся:

— Брат, человек, которого Чу Чанси защищал от начала и до конца, всегда был только ты.

— Я знаю, мне не нужны твои объяснения, — Чжао Цзиньюй надавил мечом чуть сильнее.

На лице Чжао Цзючэня, обычно робком и слабым, не осталось даже тени притворства. Он лишь с жалостью смотрел на него:

— Но ты не верил. Даже я, посторонний, давно заметил неладное, а ты понял это слишком поздно. Теперь уже всё кончено.

<http://bllate.org/book/19901/1959232>